

18+

Beatrix Storywell

*Три дня А. С. Пушкина
в Казани*

Beatrix Storywell

Три дня А. С. Пушкина в Казани

«Издательские решения»

Storywell В.

Три дня А. С. Пушкина в Казани / В. Storywell — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690712-6

Летом 1833 года Александр Сергеевич Пушкин едет в Казань собирать материалы о Пугачёве — и оказывается втянут в сеть императорских поручений, масонских лож и татарских шаманов. Под белыми стенами Кремля и в недрах Зилантовой горы пробуждаются мегалиты, руны которых открывают порталы к параллельным мирам. Поэт стоит перед невозможным выбором: выдать тайну ради силы или сохранить её ради человечности. Роман, где исторический эпос переплетается с мистикой в жанре фэнтези.

ISBN 978-5-00-690712-6

© Storywell В.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Глава 1: Прибытие в Тени Волги	19
Глава 2: Тени Прошлого и Масонские Шепоты	29
Глава 3: Встречи и Откровения	64
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Три дня А. С. Пушкина в Казани

Beatrix Storywell

«Есть тайны, которые не пишутся чернилами. Они написаны кровью – на камне, на земле, в душах избранных. Казань – книга, открытая лишь для тех, кто умеет читать между строк времён».

«Устав Светога Востока», глава VII.

© Beatrix Storywell, 2026

ISBN 978-5-0069-0712-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Я выражаю глубокую благодарность девушке Але, живущей на далеком одиноком острове в океане, в окружении древних маяков и тайн которые они скрывают, за то, что вдохновила меня на написание этой и других книг. Пусть твоя жизнь будет наполнена приключениями со счастливым концом.

Пролог

Тени Императорского Дворца

Санкт-Петербург, 7 августа 1833 года. Летнее солнце клонилось к закату, окрашивая фасад Зимнего дворца в золотисто-алые тона, словно предвещая кровавые бури далеких степей. Внутри, в личных покоях императора Николая I, воздух был пропитан холодом интриг и секретов, где каждый шорох ковровых дорожек мог скрывать предательство. Александр Сергеевич Пушкин, одетый в скромный черный фрак с серебряными пуговицами, стоял перед государем Николаем I, стараясь сохранить достоинство под пронизывающим взглядом самодержца. Его кудрявые волосы были слегка растрепаны от недавней прогулки по Невскому проспекту, а в глазах мелькала смесь любопытства, настороженности и той внутренней бури, что рождала великие стихи. Император Николай I, высокий и статный, с жестким взглядом пронзительных синих глаз, сидел за массивным дубовым столом, усыпанным картами Поволжья, секретными донесениями Третьего отделения и древними манускриптами, покрытыми пылью веков.

Эти манускрипты, извлеченные из тайных архивов, шептали о забытых эпохах – о цивилизациях, что владели силами, способными перекраивать реальность.

«Александр Сергеевич,» – произнес Николай низким, командующим голосом, который эхом отразился от высоких сводов зала, украшенных золотыми лепнинами и портретами предков Романовых, – «вы просите разрешения на поездку в Казанскую и Оренбургскую губернии. Для „литературных“ целей, как вы изволите выразаться в своем прошении. „История Пугачёвского бунта“ – звучит вполне невинно, не правда ли? Но вы ведь понимаете, что в моей империи ничто не происходит без глубинной причины? Без... надзора.» Голос императора был как сталь – холодный и неумолимый, способный сломать любую волю. Он постучал пальцами по столу, ритм напоминал барабанную дробь перед казнью на Сенатской площади, где всего восемь лет назад повесили декабристов.

Пушкин слегка склонил голову, чувствуя, как сердце бьется чаще под тонкой тканью рубашки. В его мыслях вихрем кружились строки недописанных стихов – о любви к Наталье Николаевне, чьи письма ждали его дома, о финансовых долгах, что давили на плечи как невидимые цепи, о ревматизме, мучившем в сырые петербургские ночи и заставлявшем его хромать по утрам. Но здесь, перед самодержцем, он ощущал себя не поэтом, а пешкой в грандиозной партии, где ставки были выше, чем жизнь одного человека. «Ваше Императорское Величество,» – ответил он ровным тоном, стараясь не выдать волнения, которое пробегало мурашками по спине, – «моя цель проста: собрать свидетельства очевидцев тех бурных событий 1773—1775 годов, ощутить дыхание истории на местах сражений. Для достоверности повествования в моей „Истории“ и, возможно, в будущем романе, который я задумал под названием „Капитанская дочка“. Я не ищу ничего иного, кроме правды, что вдохновит мои строки.» Его слова были искренни, но в глубине души Пушкин знал: правда – это не только факты из архивов, но и те тени, что скрываются за ними, как в его собственных сказках о Руслане и Людмиле.

Николай усмехнулся, его усы дрогнули, а пальцы постучали по столу – ритм, напоминающий барабанную дробь перед казнью. «Правда... Как поэтично. Но позвольте мне быть откровенным, поэт. Пугачёв не был простым самозванцем или бунтовщиком из донских степей. Он шёл на Казань не только за мезтью Екатерине или за крестьянской волей. Нет, там, в глубинах Поволжья, под древними курганами и в подземельях Казанского кремля, скрыты секреты, что старше самой Руси. Мегалиты – каменные стражи, шепчущие о технологиях забытых цивилизаций. Артефакты, позволяющие перемещаться сквозь пространство, как через открытые врата, левитировать армии или заглядывать в иные миры. Пугачёв знал о них от шаманов-татар, от масонских лож, что тянут нити из Европы в Азию. Он хотел эту силу, чтобы свергнуть трон. А я... я отправляю вас не как писателя, а как разведчика. Найдите, что искал этот разбойник. Узнайте, где скрыты эти мегалиты в Казани – возможно, под старыми зданиями или в слободах. Сообщите мне лично. И помните: тайные общества везде. „Светоч Востока“ – масонская ложа в Казани, связанная с татарами, староверами и даже декабристами. Они охраняют секреты. Будьте осторожны, Пушкин. Один неверный шаг – и вы станете частью истории, которую пишут другие.»

Пушкин почувствовал холодок по спине, словно дуновение ветра с Волги, хотя окна зала были плотно закрыты. «Ваше Величество, я не шпион. Я поэт, ищущий вдохновения. Но если это воля государя...» Его голос дрогнул на миг, и в мыслях промелькнуло воспоминание о ссылке в Михайловское, о надзоре Бенкендорфа, о том, как царь лично цензурировал его стихи. Мегалиты? Порталы в иные миры? Это звучало как бред сумасшедшего или как сюжет одной из его собственных поэм – «Медный всадник» или «Евгений Онегин», где реальность смешивалась с фантазией. Но если царь верит в это, то, возможно, в Казани его ждет не только история Пугачева, но и нечто, что изменит его судьбу. Он подумал о Наталье, о ее нежных письмах, о детях, и сердце сжалось: эта поездка могла стать спасением от долгов или ловушкой, из которой нет возврата.

«Вы – мой подданный,» – отрезал Николай, вставая и подходя ближе, так что Пушкин ощутил аромат табака и лаванды от императорского мундира, украшенного орденами. «Идите. Ваше „прощение“ одобрено. Но знайте: предательство карается не только ссылкой. А теперь – ступайте. И пишите свои стихи, пока можете.» Император махнул рукой, и лакей открыл дверь, пропуская Пушкина в коридор, где стража стояла недвижно, как статуи.

Пушкин вышел из Зимнего дворца, и прохладный августовский ветер с Невы ударил ему в лицо, словно пытаясь стряхнуть с него тяжесть только что состоявшегося разговора. Улицы Санкт-Петербурга пульсировали жизнью: экипажи стучали по брусчатке, дамы в кружевных платьях и шляпках с перьями прогуливались под руку с офицерами в мундирах, а уличные торговцы кричали, предлагая свежие пирожки и газеты.

Но поэт едва замечал эту суету. Его мысли были далеко – в Поволжье, где Волга несла свои широкие воды через степи, полные легенд о Пугачеве и древних курганах. «Мегалиты... Технологии забытых цивилизаций, – размышлял он, шагая по набережной Фонтанки, где вода искрилась в лучах заходящего солнца. – Царь видит в них оружие для империи, а что, если это дверь в иные миры? В места, где пространство сворачивается, как лист бумаги, и армии могут появляться из ниоткуда? Пугачев, этот донской казак, самозванец, претендовавший на трон

Петра III, – неужели он знал о таком? Или это всего лишь царские фантазии, рожденные паранойей после декабристского бунта?»

Он остановился у парапета, опираясь на холодный камень, и смотрел на реку, где баржи медленно плыли вниз по течению.

В памяти всплыли отрывки из исторических книг, которые он читал в своей библиотеке на Мойке: Пугачевское восстание 1773—1775 годов, крупнейший крестьянский бунт в истории России, охвативший Уфимскую, Оренбургскую и Казанскую губернии. Емельян Пугачев, донской казак, объявил себя императором Петром III и собрал под свои знамена тысячи крестьян, беглых солдат и казаков. Он штурмовал Казань 12 июля 1774 года, город горел, церкви и монастыри были разграблены, а Волга, по преданиям, запружена телами. Но теперь, после слов Николая, Пушкин видел в этом не просто хаос бунта, а целенаправленный поиск. «Шаманы-татары, масонские ложи... „Светоч Востока“ в Казани. Если ложа существует, то профессор Фукс или кто-то из университетских, возможно, в ней. А мегалиты – от булгар, древних предков татар, цивилизации, что правила Поволжьем до монголов. Камни, что шепчут рунами о порталах...»

Вечер опускался на город, и Пушкин направился домой, на квартиру в доме на Мойке, 12. По пути он зашел в книжную лавку, где купил карту Поволжья и томик легенд о Золотой Орде.

Дома его ждала его любимая жена Наталья Николаевна – красавица с темными локонами и глазами, полными нежности, – и дети, Мария и Александр, игравшие в гостиной.

«Александр, ты бледен, – сказала она, обнимая его. – Что сказал государь?» Пушкин улыбнулся, скрывая тревогу: «Разрешение получено, милая.

Еду в Казань за материалами для книги. Это поможет с долгами – «История Пугачева» принесет доход.»

Но в глазах Натальи мелькнула тревога: «Будь осторожен. Эти места – дикие, полны разбойников и легенд.» Он поцеловал ее, но в мыслях крутилось: «Легенд... Да, но теперь они реальны.»

Дни до отъезда прошли в лихорадочной подготовке. Пушкин писал письма друзьям – Василию Андреевичу Жуковскому, своему наставнику и поэту, и Ивану Ивановичу Пущину, лицейскому товарищу, – жалуясь на финансовые трудности и ревматизм, но ни словом не обмолвился о тайной миссии царя.

«Дорогой Василий Андреевич, – писал он Жуковскому, – еду в Поволжье за вдохновением. Пугачев – мой герой, бунтарь против судьбы. Надеюсь, вернусь с рукописью, что затмит „Бориса Годунова“.» Жуковский ответил: «Будь осторожен, Александр. История – опасная муза.» Наталье он отправил нежное послание: «Милая моя Наташа, я еду в Казань за вдохновением, но сердце мое с тобой. Не тревожься, вернусь с историями, что станут нашими сказками на ночь детям.» Вечерами он изучал карты – маршрут через Вятку, Нижний Новгород, Чебоксары, Симбирск, – и древние книги о Поволжье, где упоминались болгарские курганы, шаманские предания о «камнях, что переносят души» и масонские ложи, проникшие в Россию из Европы в XVIII веке.

Масонство всегда интриговало Пушкина – он знал о ложах понаслышке от декабристов, с которыми общался в юности. «Вольные каменщики», как они себя называли, проповедовали просвещение, равенство и тайные знания, но после 1825 года царь запретил их, подозревая в заговорах. «Светоч Востока» в Казани – возможно, ветвь старых лож, смешавшая европейские ритуалы с татарским мистицизмом. Пушкин вспоминал легенды: болгары, предки татар, строили мегалиты – огромные каменные круги у Волги, где шаманы вызывали духов предков. «Если технологии древних – это порталы, то Пугачев хотел их для телепортации армий, – думал он. – А царь – для подавления бунтов. Но что, если это дверь в иные планеты, миры с летающими городами и существами, старше человечества?»

Пушкин сел в почтовую дрожку, запряженную тройкой лошадей. Дорога была долгой – пыльные тракты, постоялые дворы с соломенными крышами, где он фиксировал в дорожном дневнике с зеленой обложкой смену пейзажей: от гранитных берегов Невы к лесам Вятки, от ярмарок Нижнего Новгорода к холмам Чебоксар.

В Нижнем он задержался на день, беседуя с купцами о Пугачеве: «Он был дьяволом, – говорили они, – но шаманы шептали ему о сокровищах под землей.» В Чебоксарах Пушкин услышал первые легенды о «камнях, что переносят души»: старый чувашский крестьянин рассказал о курганах, где «духи открывают двери в небо». «Это мифы, – подумал поэт, – но в душе зародилось сомнение. По мере приближения к Казани воздух становился тяжелее, пропитанным ароматом степных трав, речной влаги и чего-то древнего, неуловимого.

Глава 1: Прибытие в Тени Волги

Наконец, 17 августа по новому стилю (или 5 августа по-старому), поздний вечер. Почтовая дрожка Пушкина, запыленная от долгого пути через Вятку и Нижний Новгород, наконец, въехала в Казань под покровом сумерек. Город, третий по величине в Российской империи после Петербурга и Москвы, встретил его шумом вечерних улиц: криками торговцев в Старо-Татарской слободе, запахом свежей рыбы с Волги и отдаленным эхом колоколов Благовещенского собора в Кремле. Пушкин, уставший от тряски дорог и ноющей боли в суставах от ревматизма, мрачно смотрел в окно дрожки. «Казань... Колыбель Востока и Запада,» – подумал он, наблюдая за силуэтами минаретов и православных куполов, сливающихся в полумраке. Царь видел в нём шпиона, ищущего древние артефакты, но сам поэт надеялся на вдохновение для «Капитанской дочки» – романа, где герои сталкивались с бунтом Пугачёва, полным хаоса и человеческой драмы. Однако слова Николая о мегалитах не выходили из головы: камни, способные открывать порталы в иные миры, технологии забытых цивилизаций, что Пугачёв якобы искал в 1774 году во время штурма города.

Дрожка остановилась у Гостиницы Дворянского собрания на улице Рахматуллина, 6 – величественного трехэтажного кирпичного особняка в стиле классицизма, построенного во второй половине XVIII века купцом Афанасием Дрябловым по проекту архитектора Василия Кафтырева. Фасад с колоннами и парадным двором сиял в свете уличных фонарей, но Пушкин ощутил странную ауру, словно здание стояло на древних фундаментах, скрывающих секреты.

Он вышел, разминая затекшие ноги, и вдохнул влажный воздух Волги, несущий ароматы речной тины и дым от костров в слободе. «Это место... Оно дышит историей,» – отметил он про себя, вспоминая, как в дорожном дневнике фиксировал смену пейзажей: от лесов Вятки к холмам Чебоксар, где крестьяне шептали легенды о «камнях, переносящих души».

В холле гостиницы, освещенном масляными лампами, управляющий – седой мужчина с пронзительным взглядом и легким татарским акцентом – встретил его за стойкой. «Добрый вечер, сударь. Комната на имя Александра Сергеевича Пушкина?»

Мы получили извещение о вашем прибытии,» – сказал он, протягивая ключ и осматривая поэта с интересом, будто знал о царском поручении. Пушкин кивнул, вручая документы и дорожный паспорт. «Да. Я здесь для исследований по истории Пугачева – сбор материалов для книги. Нужен тихий номер с видом на улицу, где можно работать.» Управляющий улыбнулся загадочно, его глаза блеснули. «Казань полна историй о Пугачеве, господин Пушкин. Штурм 1774 года оставил шрамы: город горел, 2057 домов уничтожено, 25 церквей разграблено. Но шепчут, он искал нечто большее – древние камни под кремлем или слободами, что открывают двери в иные измерения. Эта гостиница... построена Кафтыревым, который знал тайны масонов. Если услышите гул ночью – не пугайтесь. Старые стены иногда оживают.»

Пушкин замер, слова управляющего эхом отозвались в его душе, напоминая разговор с царем. «Откуда вы знаете о таких вещах?» – спросил он тихо, стараясь не выдать волнения. Управляющий пожал плечами. «Слухи от старожилов, сударь. «Светоч Востока» – ложа, что хранит предания с времен булгар, древней цивилизации Поволжья. Ваш номер на втором этаже, с рабочим столом и библиотекой. Приятного пребывания.» Поэт взял ключ и поднялся по скрипучей лестнице, чувствуя, как ревматизм отзывается болью в коленях. Номер был скромным: деревянная кровать с балдахином, стол у окна с видом на улицу, полки с томами по истории края и камин, где слуга разжег огонь. Пушкин рухнул в кресло, снимая сюртук,

и открыл дорожный дневник, записывая первые впечатления: «Казань – третий город империи, центр торговли и образования.

Университет, основанный в 1804 году, манит архивами. Но тайны... Мегалиты? Если они здесь, под этим зданием на руинах капища, то миссия царя становится реальностью.»

Пушкин, сидя в номере, вспоминал путь: из Петербурга через Вятку, где леса смыкались над дорогой, к Нижнему Новгороду с ярмаркой, полной купцов и слухов о Пугачёве. В Чебоксарах крестьяне рассказывали о курганах булгар – древних холмах, где якобы спрятано золото и «волшебные камни». «Булгары – цивилизация VII—XIII веков, предки татар, – размышлял он. – Их мегалиты, а может и совсем не их, если верить легендам самих булгар, – это не просто камни, а устройства для перемещения, принесённые из потерянных миров, как Атлантида или Гиперборея.» Казань, основанная в 1005 году, как столица Волжской Булгарии, завоёванная Иваном Грозным в 1552 году, теперь была центром губернии, с населением в 50 тысяч человек, Центр образования с Казанским университетом, торговый узел на Волге, где смешивались русские, татары, чуваша и марийцы. «Колыбель Востока и Запада,» – отметил Пушкин, глядя в окно на огни слободы.

Ревматизм мучал, напоминая о финансовых долгах – 20 тысяч рублей, что давили как цепи. «Наталья, милая, – подумал он, доставая письмо жены. – Она пишет о детях, Марии

и Александре, о светских балах в Петербурге. Эта поездка – шанс на доход от книг, но и риск от царской миссии.» В письме к Наталье он набросал: «Здесь, в Казани, воздух пропитан историей. Соберу предания о Пугачёве, чтобы „Капитанская дочка“ ожила.» Но в душе таилась тревога: мегалиты – реальность или миф? Если ложа масонов охраняет их, то встречи с Фуксом и архивами университета станут ключом.

Гостиница, построенная Кафтыревым, казалась живой. Пушкин спустился в холл за ужином – каша и чай, – где слуги шептались о «подземных ходах под кремлем». «Кафтырев – масон? – подумал он. – Здание на руинах капища, где болгары проводили ритуалы. Если мегалиты здесь, в подвалах, то гул – их зов или же это мое разыгравшееся воображение после долгой и изнурительной поездки.» Он вернулся в номер, читая книгу о болгарях: цивилизация с руническими надписями, торговавшая с Византией, оставила курганы с артефактами. «Порталы... Перемещение армий, как молния. Пугачёв хотел их для бунта, царь – для контроля.»

Сон не шёл – мысли о Пугачёве кружились вихрем. Восстание 1773—1775 годов: Пугачёв, донской казак, объявил себя Петром III, собрал тысячи крестьян и казаков, осадил Оренбург, прорвался в Казань. Штурм 12 июля 1774 года – город в огне, Казанка запружена телами, генерал Кудрявцев убит нагайками на паперти. Но теперь Пушкин видел глубже: шаманы шептали Пугачёву о мегалитах – камнях болгар, покрытых рунами, активирующих порталы для перемещения армий или видений иных планет. «Если ложа „Светоч Востока“ охраняет их, то Фукс или университетские архивариусы знают,» – подумал он. Вдруг стук в дверь прервал размышления. «Кто там?» – спросил Пушкин, беря свечу.

Дверь отворилась, и в проеме появился Евгений Абрамович Баратынский – старый лицейский друг, поэт с меланхоличным взглядом, аккуратной бородкой и усталой улыбкой от дороги. «Александр! Не ожидал увидеть тебя в этой глуши!»

Пушкин вскочил, обнимая друга с теплотой, забыв на миг о миссии. «Евгений! Какое совпадение! Входи, садись. Что привело тебя в Казань?» «Я проездом в Каймары, к тестю Льву Энгельгардту, и вот – судьба свела нас в одной гостинице», – сказал Баратынский.

Они сели за стол, слуга принес чай и пироги, и диалог потек естественно, как река в половодье – о поэзии, жизни и бунте.

«Пугачёв... Он был не просто самозванцем,» – сказал Баратынский, понижая голос. «В моих стихах эхо бунта, но здесь шепчут о артефактах. Мегалитах под кремлем, что позволяют шагнуть сквозь пространство. Пугачёв узнал от шаманов – технология предков болгар для телепортации армий.» Пушкин нахмурился. «Царь упоминал подобное. Но это миф?» Баратынский покачал головой. «Не миф. „Светоч Востока“ знает. Профессор Карл Фукс – один из них, на Московской, 58. Завтра встретишься? Он поможет с архивами университета.» Они говорили часами, обмениваясь рукописями: Пушкин показал наброски «Капитанской дочери» – сцены осады, где Гринёв милуется Пугачёвом, – Баратынский прочитал стихи о роке. «Будь осторожен,» – предупредил друг. – «Ложи борются: декабристы за свободу, царь за власть.»

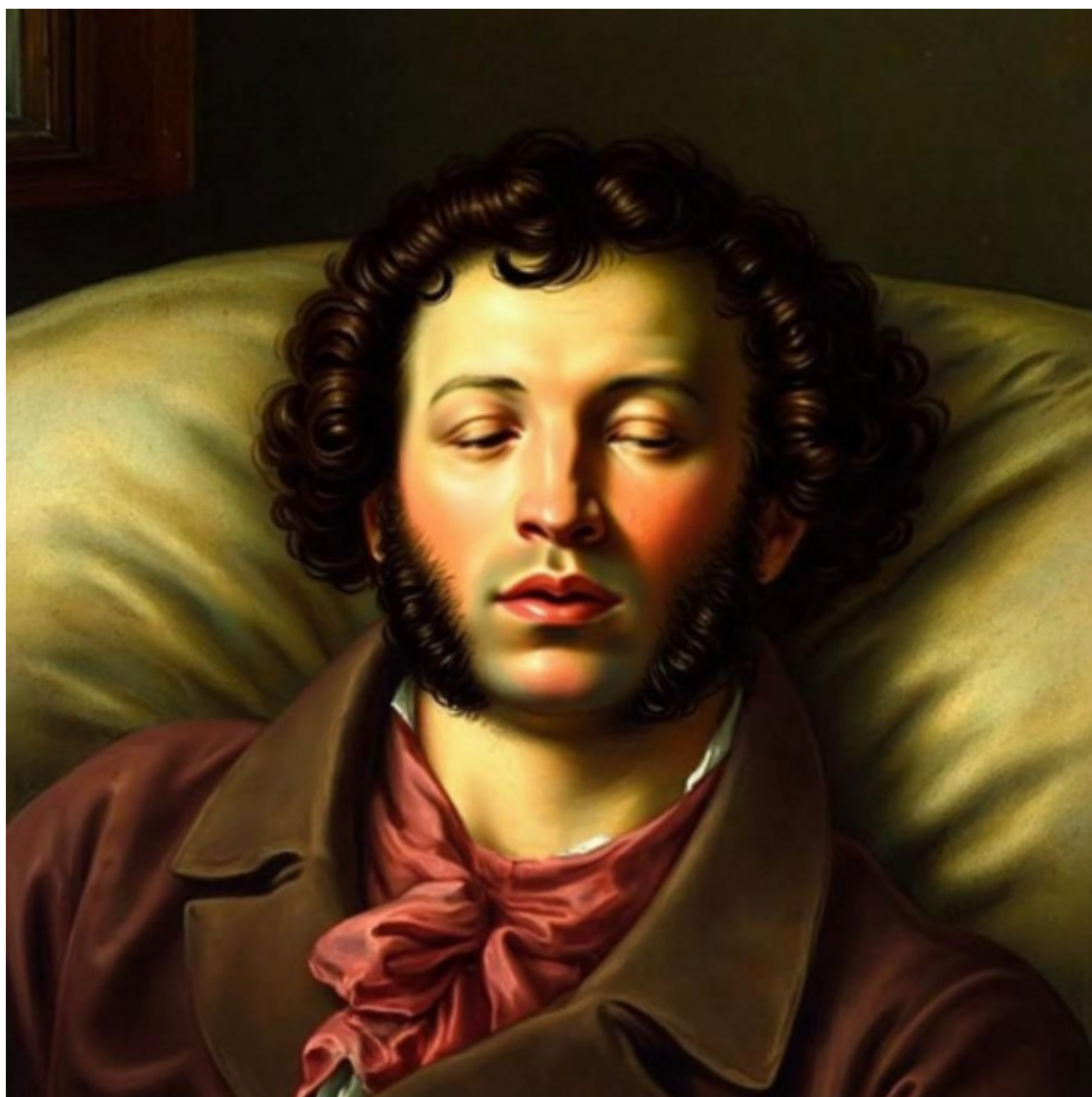
Баратынский встал и вышел в коридор, а через несколько минут уже вернулся с вином, и разговор углубился. «Без вина никак не обойтись», – сказал он и улыбнулся Александру.

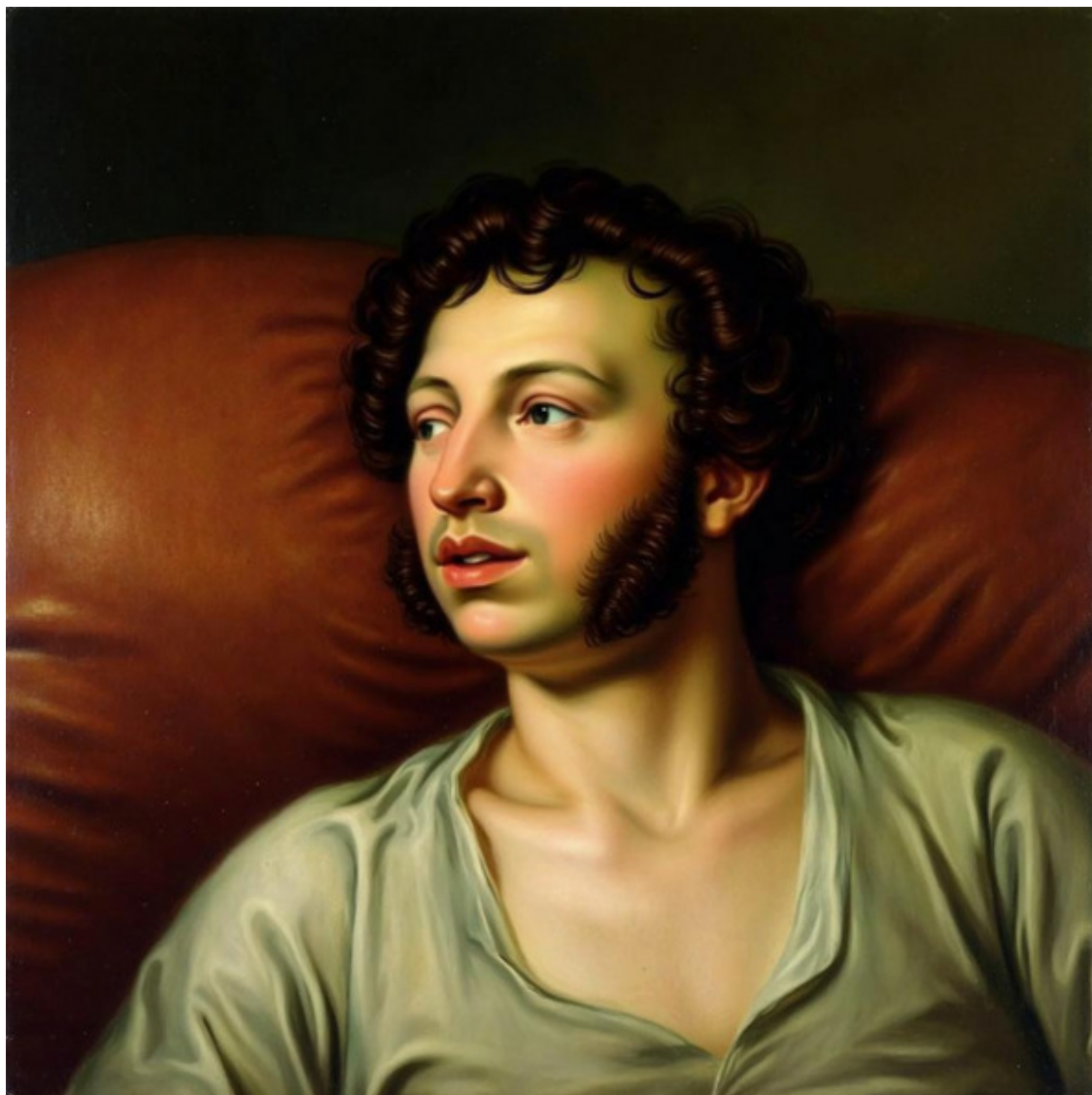

«Твои стихи о судьбе – как эхо Пугачёва,» – сказал Пушкин. Баратынский улыбнулся: «А твоя „Дочка“ – о милосердии в хаосе. Но здесь, в Казани, предания о шаманах, предсказавших Пугачёву „камни звёзд“. „Светоч Востока“ – ложа, смешивающая масонство с татарским мистицизмом. Фукс, профессор университета, знает. Он может ввести тебя в круг „Светоча Востока“. Но помни: знание – это оружие. Царь хочет его для империи, а ложи – для просвещения. Выбери сторону мудро.»

«Пушкин поделился набросками: сцена, где Гринёв встречается Пугачёва у мельницы. «Это от легенд о Троицкой мельнице, 10 вёрст от города,» – отметил Баратынский. Они обсудили декабристов: «Ложи запрещены после 1825 года, но в Поволжье они живы.» Диалог длился, раскрывая интриги: «Царь подозревает ложи в заговорах, но мегалиты – ключ к власти.»

К утру Баратынский ушёл, а Пушкин лёг, но гул в подвалах усилился – вибрация, словно камни звали или вновь воображение и никакого гула и нет, ведь никто другой его не слышит, и это последствие алкоголя.

Засыпая, Пушкин планировал: визит в Суконную слободу к Василию Бабину, очевидцу, затем к Фуксу. Гул в подвалах стих – вибрация была еле ощутимой, словно древние камни еще только пробуждались. «Казань открывает тайны,» – подумал он, засыпая. Сон был беспокойным – сны о порталах, где он шагал через фиолетовые небеса к летающим городам.

Проснувшись, он подумал: «Это начало. Казань раскроет правду.» Впереди его ждали три дня тайн, интриг и открытий, что изменят все.

Глава 2: Тени Прошлого и Масонские Шепоты

6 сентября 1833 года. Утро выдалось ясным, с лёгким туманом над Волгой, который медленно рассеивался под лучами восходящего солнца, окрашивая реку в золотистые тона, словно обещая день, полный открытий и тайн. Александр Сергеевич Пушкин проснулся в номере Гостиницы Дворянского собрания с чувством лёгкой тревоги, смешанной с возбуждением от предстоящего дня.

Ревматизм, этот верный спутник его поездок в сырые края, напомнил о себе ноющей болью в коленях, когда он встал с постели и подошёл к окну, откинув тяжёлую бархатную штору. Улица Рахматуллина уже оживала: татары в ярких халатах вели осликов, нагруженных корзинами с свежими фруктами – яблоками, грушами и дынями, – русские купцы открывали лавки с тканями, утварью и пряностями, а где-то вдалеке раздавался звон колоколов Благовещенского собора, эхом отражаясь от стен Казанского кремля и смешиваясь с призывом муэдзина из ближайшей мечети.

«Казань – город контрастов, где Восток встречается с Западом в вечном танце культур,» – подумал Пушкин, глядя на эту пёструю картину, где деревянные дома слободы соседствовали с каменными особняками губернаторов.

Вчерашняя встреча с Баратынским ещё свежа в памяти: разговоры о поэзии, намёки на тайные общества и мегалиты, которые царь поручил найти. «Сегодня – день поисков. Суконная слобода, где Пугачёв прорвался в город в 1774 году, затем дом Фукса. Если легенды верны, то артефакты близко, и ложа „Светоч Востока“ может открыть дверь к ним.»

Пушкин умылся холодной водой из медного кувшина, стоявшего на умывальнике рядом с зеркалом в резной раме, и почувствовал, как бодрость возвращается к нему, несмотря на усталость от долгой дороги и бессонной ночи.

Он надел свежий сюртук, поправил кудрявые волосы перед зеркалом, где отражение показывало ему уставшее, но решительное лицо с пронизательными глазами, и спустился в холл за завтраком.

Управляющий, тот самый седой мужчина с пронизательным взглядом и лёгким татарским акцентом, кивнул ему с улыбкой, подавая чай и хлеб: «Доброе утро, господин Пушкин.

Тройка готова, как вы просили вчера вечером. Куда направитесь сегодня?» Поэт ответил кратко, но с интересом, откусывая от хлеба с мёдом: «В Суконную слободу, к «Горловому кабаку». Ищу очевидцев Пугачёвского бунта – тех, кто может рассказать о штурме 1774 года из первых уст или от родителей.» Управляющий улыбнулся загадочно, его глаза блеснули в свете утреннего солнца, проникающего через высокие окна холла: «Там много историй, сударь. Но будьте осторожны – старожилы шепчут о проклятиях тех дней, о духах, что бродят по полям, где пролилась кровь во время штурма. А если услышите гул под землёй – это эхо древних камней, которые, говорят, открывают двери в иные миры.» Пушкин кивнул, чувствуя лёгкий озноб от этих слов, эхом повторяющих поручение царя Николая I. Завтрак был простым, но сытным: свежий хлеб с маслом, чай с мёдом и немного сыра, который поэт ел медленно, размышляя о плане дня и попивая горячий напиток, аромат которого наполнял холл. «Сначала к Бабину – рабочему суконной фабрики, чьи родители пережили штурм. Его рассказы лягут в основу главы о Казани в «Истории Пугачёвского бунта». Затем – к Фуксу, профессору университета, знатоку фольклора и, возможно, члену ложи. Если он знает о мегалитах, то это шаг ближе к тайне.»

Тройка лошадей ждала у входа – простая крестьянская упряжь, как и просил Пушкин, чтобы лучше почувствовать дух тех времён, когда Пугачёвцы мчались по этим дорогам на конях, размахивая саблями и крича лозунги свободы. Кучер, коренастый татарин по имени

Ильяс, с широкой улыбкой и шрамом на щеке, полученным, как он потом рассказал, в стычке с разбойниками, хлестнул вожжами, и экипаж покати по улицам Казани.

Пушкин смотрел в окно, отмечая каждую деталь города: узкие улочки Старо-Татарской слободы с деревянными домами, где женщины в цветных платках стирали бельё у колодцев, дети бегали босиком по пыльным тропинкам, а мужчины в тубетейках курили трубки, обсуждая цены на рынке. «Этот город – мост между цивилизациями,» – размышлял поэт, чувствуя, как ветер от Волги треплет его волосы через открытое окно. Основанная в 1005 году, как болгарская крепость, Казань стала частью России после завоевания Иваном Грозным в 1552 году, когда кремль был перестроен, а мечети соседствовали с православными храмами. К 1833 году она превратилась в губернию с населением в 50 тысяч человек, университетом, где учились сотни студентов из разных уголков империи, и торговыми рядами, где купцы из Персии, Китая и Европы обменивали шёлк, специи, меха и чай. «Булгары – древние предки татар, их цивилизация цвела здесь задолго до монголов. Курганы, руны на камнях... Если мегалиты – их наследие, то они могли быть технологиями для перемещения, принесёнными из потерянных миров, как Атлантида или Гиперборея. Царь хочет их для империи, но что, если они откроют двери к иным планетам, с фиолетовыми небесами и летающими городами?»

Дрожки выехали за город, в предместье – Суконную слободу, где 60 лет назад Пугачёвцы прорвались в Казань через ворота и дамбы. Ландшафт изменился: холмы, покрытые кустарником и редкими деревьями, поля, где когда-то стояли лагеря мятежников, а теперь паслись коровы и овцы, и крестьяне работали с серпами, собирая урожай.

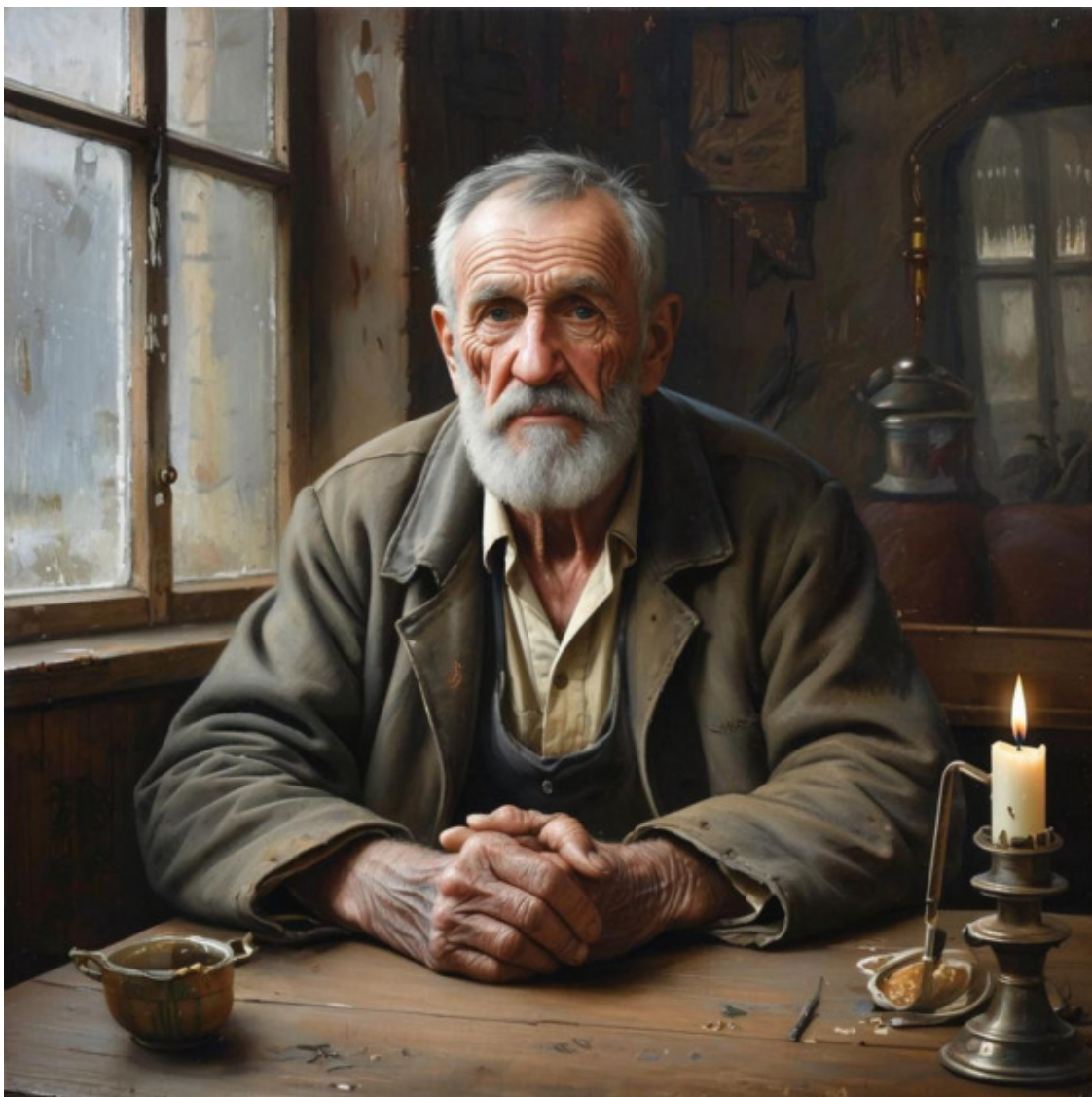

Пушкин чувствовал, как воздух становится тяжелее, пропитанным пылью и воспоминаниями о крови – словно земля помнила крики и стоны тех дней. «Здесь всё началось,» – подумал он, когда экипаж подъехал к «Горловому кабаку» – старому деревянному зданию с покосившейся крышей, дымом из трубы и вывеской, скрипящей на ветру. Трактир стоял на краю слободы, окружённый фабричными зданиями суконной мануфактуры, где работали сотни людей, производя ткань для империи.

Пушкин вошёл, чувствуя запах кваса, дыма от печи, пота рабочих и жареного мяса. За столом у окна сидел Василий Бабин – рабочий суконной фабрики, шестидесяти лет, с седой бородой, мозолистыми руками и глазами, полными воспоминаний, словно он сам пережил те события, хотя был ребёнком.

«Господин Пушкин? Вы о Пугачёве спрашиваете? Садитесь, расскажу, что знаю от родителей,» – сказал он грубым, но искренним голосом, наливая кружку кваса из большого кувшина и предлагая хлеб с солью.

Пушкин сел, доставая свою зелёную тетрадь и перо, которое он всегда носил с собой для записей: «Да, Василий.

Подробности штурма Казани – даты, места, люди. И если слышали, о чём-то большем. О древних секретах, что искал Пугачёв.“ Бабин вздохнул, глядя в окно на Волгу, где баржи медленно плыли по течению: „Мои родители видели ад.

Пугачёв прорвался 12 июля 1774 года через Адмиралтейскую дамбу. Город горел три дня, Казанка запружена телами – 2057 домов сгорело, 25 церквей уничтожено, 3 монастыря разграблены. Мать спаслась чудом: казак помиловал её, увидев, как она молилась с ребёнком на руках – это легло в основу семейной саги, которую я рассказывал своим детям и внукам. Отец был в плену у пугачёвцев – видел, как вешали за ребро, сажали на кол, четвертовали. Генерала Кудрявцева, 110-летнего, забили нагайками на паперти церкви, а пастора, немца по происхождению, Пугачёв помиловал за то, что тот знал иностранные языки и мог перевести захваченные документы.

Но Пугачёв искал не только город – шаманы шептали ему о мегалитах, древних камнях булгар под кремлем или в слободах. Технологии предков, что открывают порталы для перемещения армий, как молния через пространство. Шаманы из Старо-Татарской слободы, потомки булгар, рассказывали о рунах на камнях, ведущих в иные миры – с фиолетовыми небесами и летающими городами. Пугачёв хотел их для революции, чтобы телепортировать войска и свергнуть Екатерину II.»

Пушкин записывал лихорадочно, перо скрипело по бумаге, а сердце билось чаще от этих слов, которые эхом отозвались в поручении царя. «Откуда он знал о мегалитах? От кого?» – спросил он, отпивая квас, чтобы скрыть волнение и почувствовать кисловатый вкус напитка, освежающий в душном трактире. Бабин понизил голос, оглядываясь на других посетителей – рабочих фабрики, пивших пиво после смены: «От масонов. В Оренбурге ложа «Золотой Ключ» – они связаны с «Светочем Востока» здесь в Казани.

Тайные общества делят секреты древних булгар – цивилизации, что правила Поволжьем с VII века, торговала с Византией и арабами, оставила курганы с рунами и артефактами. Мегалиты – их наследие, камни с символами, активизирующими порталы. Кровь и сосредоточение – ключ, как шептали шаманы.

Пугачёв узнал от Абдуллы, шамана из слободы, но не нашёл – ложи спрятали в подвалах старых зданий, как ваша гостиница.» Диалог длился час. Бабин описывал зверства подробно: «После подавления бунта казни были ужасны – вешали, четвертовали, сажали на кол. Михельсон разбил мятежников на Арском поле, 15 июля, и город вздохнул с облегчением. Но духи тех дней бродят – гул под землёй, видения призраков на полях.» Пушкин думал: «Это не бунт – поиск силы, что изменит мир. Если мегалиты реальны, то «Светоч Востока» – мой следующий шаг.»

Благодарно кивнув Бабину и оставив монету за рассказ, Пушкин уехал, тройка понесла обратно в город. «Суконная слобода – место крови и легенд,» – отметил он в дневнике, пока экипаж мчался по тракту, подпрыгивая на ухабах. Волга сверкала на солнце, но в воздухе витала тень прошлого – запах дыма от костров напоминал о пожарах 1774 года. «Пугачёв – трагическая фигура,» – размышлял поэт. «Казак, родившийся в 1742 году на Дону, служил в армии, бежал, объявил себя Петром III. Бунт охватил огромные территории – от Урала до Волги, тысячи погибли. Казнён в Москве 10 января 1775 года, но легенды живы. Если мегалиты – правда, то шаманы и ложи знают, где они.

«По пути Пушкин вспоминал булгар: цивилизация, расцветшая в VII веке, с городами вроде Великого Булгара, где стояли храмы и курганы.

Руны на камнях – не просто письмена, а коды для технологий, принесённых из далёких земель, возможно, от атлантов или гипербореев. «Порталы – перемещение как молния, видения иных планет. Если активировать – фиолетовые небеса, летающие города, существа с сияющими глазами. Царь хочет для войн, но я – поэт, ищущий вдохновение.»

Вернувшись в центр, Пушкин направился к дому профессора Карла Фукса на Московской улице, 58 – двухэтажному особняку с колонным портиком и садом, где цвели поздние цветы – астры и хризантемы, наполняя воздух сладким ароматом.

Фукс, этнограф и врач с немецкими корнями, высокий мужчина с седеющими волосами и пронизательным взглядом, встретил его на пороге с улыбкой, пожимая руку: «Александр Сергеевич!»

Рад видеть великого поэта в нашем скромном доме. Обед готов – заходите, моя жена Ольга Ивановна приготовила татарские блюда.

«Ольга Ивановна, женщина с добрым лицом и тёплыми глазами, накрыла стол в гостиной, полной книг по фольклору, карт Поволжья и артефактов – амулетов, рунных камней и старых манускриптов, собранных Фуксом во время экспедиций.»

«Профессор, расскажите о татарских преданиях о Пугачёве,» – попросил Пушкин, усаживаясь за стол и пробуя эчпочмак – пирог с мясом, картошкой и луком, ароматный и горячий, тающий во рту. Фукс кивнул, наливая чай из самовара: «Пугачёв – фигура мифическая для местных татар. Они видели в нём освободителя от русского ига, ведь восстание охватило их земли – от Оренбурга до Казани. Но он искал мегалиты – камни булгар, активирующие порталы. „Светоч Востока“ – наша ложа – хранит руны с X века. Это технологии предков, позволяющие шагнуть сквозь пространство или увидеть иные планеты с фиолетовыми небесами и летающими городами.»

Беседа углубилась в детали. Фукс показал древнюю книгу с рунами, пожелтевшие страницы которой пахли пылью веков и ладаном: «Вот символы. Кровь и сосредоточение – ключ к активации. Пугачёв узнал от шамана Абдуллы, предка местных татар из Старо-Татарской слободы, но не нашёл – артефакты в подвалах старых зданий, как ваша гостиница на руинах капища.» Пушкин ахнул, чувствуя озноб от этих слов: «Моей гостиницы? Кафтырев был масоном?» Фукс улыбнулся, отпивая чай: «Да. Архитектор, член ложи, спрятал вход в 1780-х. Мегалиты – от булгар, цивилизации VII века, их курганы полны секретов – мечи, украшения и камни с рунами. Активация – видения летающих городов, существ с сияющими глазами. Царь хочет превратить их в оружие для расширения империи, но ложа – за просвещение, за свободу знаний. Мы собираемся тайно, обсуждаем вольные идеи, смешивая европейское

масонство с татарским мистицизмом.» Ольга Ивановна добавила, подавая чак-чак – сладкий десерт из теста в мёде: «В нашем доме бывали масоны. Легенды о „Светоче“ – собрания с символами света, где делятся знаниями о булгарах.» Пушкин записывал, мысли бурлили: «Если портал реален, то видения иной планеты – не миф. Но цена – душа, как шепчут шаманы. Это вдохновит мои строки – в „Капитанской дочке“ Пугачёв станет не злодеем, а искателем тайны.»

Обед растянулся на два часа: Фукс рассказывал о татарском фольклоре – сказаниях о шаманах, вызывающих духов предков в капищах под кремлем, о болгарских курганах, где зарыты артефакты. «Булгары – великая цивилизация,» – говорил он, показывая карту Поволжья. «С VII века они контролировали Волгу, строили города вроде Великого Булгара, торговали с арабами и византийцами. Их мегалиты – круги камней, покрытые рунами, – служили для астрономии, ритуалов и... перемещения, как гласят легенды. Легенды говорят, они принесли знания от потерянных континентов, как Атлантида. Активация – кровь и воля, открывает двери к звёздам, где фиолетовые небеса и летающие города.» Пушкин слушал, зачарованный, пробуя чак-чак, сладкий и хрустящий: «Это вдохновит мои строки. В „Истории Пугачёвского бунта“ добавлю главу о мифах.» Фукс кивнул: «Но будьте осторожны – „Чёрный Орден“ против логи, хочет уничтожить артефакты как „бесовщину“. Они следят за искателями.»

После обеда Пушкин поблагодарил хозяев, подарив Фуксу набросок стиха, и направился в Благовещенский собор Казанского кремля.

Кремль, древняя крепость с белыми стенами, башнями и воротами, возвышался на холме над Волгой, его силуэт отражался в реке.

Пушкин прошёл через Спасскую башню, чувствуя величие места – здесь, в 1774 году, Пугачёвцы пытались прорваться, но были отбиты правительственными войсками. Внизу копошились люди, бойко шла торговля и бегали дети.

Пушкин остановился, чтобы лицезреть окрестности с холма, на котором был построен казанский кремль.

Стоя у величественного входа в Спасскую башню Казанского Кремля, в этот ясный сентябрьский день 1833 года, Александр Сергеевич Пушкин ощущал, как время сжимается в один миг, словно страницы старой летописи, перелистываемые ветром Волги. Кремль возвышался

перед ним – крепость, полная тайн и эха былых битв, где каждый камень шептал о былом величии и трагедии. «Какое место! – думал он, глядя на красные стены, увенчанные зелёными шпилями. – Здесь, в сердце Казани, где Волга встречается с Казанкой, история России сплетается с судьбами народов, как нити в восточном ковре. Но сколь кровава эта нить!»

Его мысли устремились в прошлое, к тому роковому 1552 году, когда Иван Васильевич, прозванный Грозным, решил покорить Казанское ханство. «Ах, Иван IV, – размышлял Пушкин, – молодой 22-х летний царь, полный амбиций, собрал армию в 150 тысяч душ – пехоту, конницу, артиллерию. Они шли из Москвы, строя по пути Свияжск, ту деревянную твердыню, что стала оплотом для осады. Август 1552-го: русские обложили город, где за стенами скрывались 30—40 тысяч защитников – татары, ногайцы, чувашаи, марийцы. Хан Ядигер-Мухаммед и имам Кул-Шариф стояли насмерть. Осада тянулась полтора месяца: подкопы, мины, осадные башни – всё, что могли придумать инженеры вроде Ивана Выродкова. 2 октября взрыв прогремел, стены рухнули, и ворвались воины. Резня была ужасной – улицы залила кровь, дома горели. С русской стороны пали 15 тысяч, а татар... О, Боже, от 20 до 65 тысяч погибших, включая женщин и детей, свыше 190 тысяч в плену, тысячи изгнанных. Город опустел, как после чумы. Иван праздновал победу, но скольких душ стоила эта „победа“? Это не просто завоевание – это перелом в истории, рождение империи, но на костях.»

Но Иван Грозный помнил и о своих павших. Уже 4 октября 1552 года, через два дня после взятия города, он повелел с почестями похоронить русских воинов в общей братской могиле у подножия кремлёвского холма. Позже, в 1559 году, на месте захоронения был основан Зилантов Успенский монастырь, монахи которого обязаны были вечно молиться за убиенных

Кремль, что теперь стоял перед ним, был не тем, древним. «Старый Кремль, – продолжал Пушкин в уме, – построенный в XV—XVI веках при ханах, из дерева, как и положено в тех краях, где леса обильны. Высокие бревенчатые стены, башни, дворцы – оплот ханства, символ их мощи. Но в 1552-м он сгорел дотла, разрушенный в огне осады. Иван повелел строить новый – каменный, чтобы утвердить русское владычество. С 1555 года псковские мастера, ведомые Постником Яковлевым – тем самым, кто возвёл собор Василия Блаженного в Москве, – взялись за дело. Белый камень из местных карьеров, красный кирпич – материалы крепкие, вечные. Строили семь—десять лет основные стены и башни, до 1562-го, но весь комплекс рос веками, впитывая стили и эпохи. Теперь это смешение: русские церкви, татарские мотивы, даже минареты в отдалении. Величие, да, но и напоминание о потере.»

А мечеть Кул-Шариф? «О, эта утрата! – вздохнул Пушкин мысленно. – Построена в XVI веке, при ханах, названа в честь великого имама Кул-Шарифа, сеида, поэта и воина. Восемь минаретов, как говорят, сияли над Волгой, символ веры и культуры. Но в 1552-м, во время штурма, она пала: защитники сражались на её ступенях, Кул-Шариф погиб с саблей в руках. Ивановы воины разграбили и сожгли её, стерев с лица земли. Теперь на её месте – пустота, эхо былого. Сколько мудрости сгорело в том пламени!»

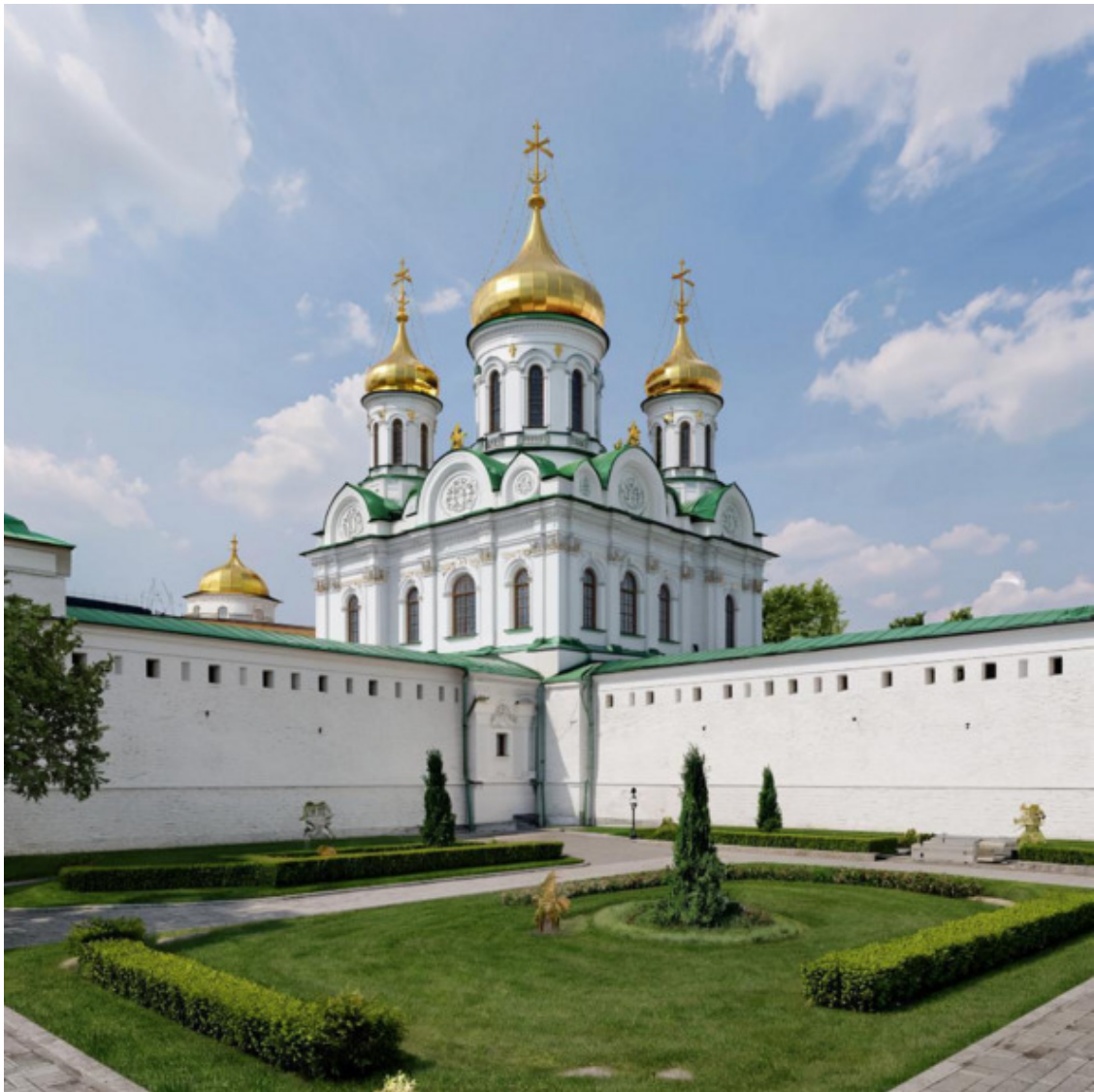
И вот, у этой башни, Пушкин вспомнил о памятнике. «А памятник павшим? – подумал он. – Не в те времена заложен, нет. Или это памятник павшим в войне 1812 года, как еще много неразгаданных тайн хранит Казань. Лишь недавно, при Александре I, в начале сего века. В 1811—1823 годах, по проекту Николая Алферова, возвели ту двадцатиметровую пирамиду на острове на реке Казанке возведённая на средства казанского купечества – храм-мемориал русским воинам, павшим в 1552-м. Тысячи душ там покоятся в братской могиле под полом. Символ триумфа, но и скорби, построенный совсем недавно, в 1813—1823 годах напоминая о цене империи.

Ах, Россия, сколь ты велика, но сколь полна теней!»

Пушкин стоял, чувствуя величие места – смесь триумфа и трагедии, где Восток встречает Запад, а прошлое шепчет о будущем. «Для моей „Истории Пугачёва“ это золото, – подумал он. – Но в романе... в романе это оживёт поэзией.»

Пушкин вошел внутрь кремля. Собор, построенный в XVI веке после завоевания Казани, встретил его прохладой нефов, запахом ладана и восковых свечей, эхом шагов по каменному полу.

Протоиерей Матфей, седой старец в рясе с серебряным крестом на груди, ждал его в библиотеке, полной пыльных томов и икон: «Александр Сергеевич, рады видеть поэта в нашем храме.

Вот летописи XVIII века – записи о штурме Пугачёва, протоколы суда.» Пушкин просматривал пожелтевшие страницы, чувствуя прикосновение истории: даты, имена обвиняемых, описание казней – вешание, четвертование.

«Отец Матфей, что известно о секретах Пугачёва? Шептали, он искал „Камень Переходов“ – мегалит под кремлем.» Старец кивнул, понижая голос, чтобы не потревожить молящихся: «Легенды. Булгары оставили камни с рунами – порталы для душ. Истинный – в подземельях вашей гостиницы, на капище. Активация – видения иных миров, фиолетовых небес. Но опасно – цена душа, как в преданиях шаманов.» Диалог длился, Матфей показывал книги: «Здесь протоколы суда 1774 года – Яков Самарин, участник бунта, упоминал „древние врата“. Масоны „Светоча“ знают больше.»

Вечер Пушкин провёл в гостинице, размышляя над записями. Гул в подвалах усилился – вибрация, словно древние камни пробуждались или это просто разыгралось его воображение после встреч сегодня днем.

Пушкин лежал в постели, уставившись в потолок, где лунный свет отбрасывал серебристые блики через узкое окно номера, проникая сквозь тяжёлые бархатные шторы, которые колыхались от лёгкого сквозняка.

Гул в подвалах гостиницы, этот странный, низкий вибрационный звук, усилившийся в последние минуты, казался ему не просто акустическим феноменом – это была пульсация, словно древние камни, скрытые под фундаментом здания, пробуждались от векового сна, шевелясь в своих глиняных укрытиях, готовые раскрыть свои секреты. Здание, построенное в конце XVIII века по проекту архитектора Василия Кафтырева, с его классическими колоннами и парадным двором, казалось живым существом, дышащим историей и секретами, пропитанными пылью веков и эхом забытых ритуалов. «Что это? Ветер в трубах или нечто большее, что зовёт меня?» – подумал Пушкин, прислушиваясь к этому звуку, который отдавался в его груди, как далёкий барабанный ритм, вызывая лёгкий озноб, несмотря на тёплое одеяло, наброшенное на плечи. Ревматизм, мучивший его суставы, отступил немного под влиянием этого странного ритма, но мысли не давали покоя, вихрем кружились в голове, как осенние листья на ветру Волги. «Завтра – университет, архивы, протоколы суда 1774 года. Там, возможно, упоминания о „древних вратах“, которые Пугачёв искал в своих безумных мечтах о власти. А потом – шаманы в Старо-Татарской слободе. Абдулла, потомок тех, кто шептал Пугачёву о мегалитах, о камнях болгар, что открывают двери в иные миры. Миссия царя набирает обороты – найти эти камни, технологии предков для порталов, чтобы империя могла шагать через пространство, как молния. Но что, если это дверь в иные миры, не для войн и тирании, а для

поэзии для того, чтобы душа могла улететь в фиолетовые небеса, где города парят на облаках, а время течёт иначе, как в моих стихах?»

Он сел в постели, чувствуя, как простыни шуршат под руками, и потянулся к столу, где стояла свеча в бронзовом подсвечнике, её фитиль ещё тлел от вечернего света. Зажёг её, и трепещущий огонь осветил зелёную тетрадь с записями дня, лежащую открытой на странице с почерком, испещрённым пометками: рассказы Бабина о штурме Казани 12 июля 1774 года, о зверствах пугачёвцев, которые вешали людей за рёбра, сажали на колы, грабили церкви, и о редких актах милосердия, когда казак щадил женщину с ребёнком, – это легло в основу сцены в «Капитанской дочке», где Гринёв находит спасение в хаосе бунта; беседы с Фуксом о татарском фольклоре, о рунах болгар, символах, что светятся в темноте и шепчут секреты о перемещении через миры; летописи протоиерея Матфея из Благовещенского собора, с упоминаниями «Камня Переходов», мегалита, спрятанного под кремлём, и намёками на то, что Пугачёв не просто бунтовщик, а искатель древних сил. «Казань полна тайн, как мои стихи полны недосказанности.» – подумал Пушкин, беря перо и чистый лист бумаги, чьи края были неровными от фабрики. Чернила в чернильнице ещё блестели, и он начал писать письмо Наталье, слова лились плавно, как Волга в тихую ночь: «Милая Наташа, Казань полна тайн. Собираю предания о Пугачёве, о его бунте, что разорвал страну, как буря, но мысли о тебе. Твой образ – свет в этом лабиринте легенд, твои глаза – как звёзды, что зовут меня домой. Обнимаю тебя, целую детей, Александр.» Он запечатал конверт воском, на котором оттиснулся его перстень с инициалами, положил на стол рядом с тетрадью и потушил свечу, комната погрузилась в полумрак, где только луна рисовала узоры на стенах.

Сон пришёл с видениями – фиолетовые небеса, где облака светились внутренним светом, словно сотканые из лунного шелка, летающие города с башнями из кристалла, парящие над бездной, существа с сияющими глазами, парящие без крыльев, зовущие его в портал, где время и пространство сворачиваются, как лист бумаги, и души могут шагать через миры, не зная границ.

«Это иной мир,» – подумал он во сне. «Руны зовут, кровь – ключ.»

Вибрация гула слилась с видениями, словно камни под гостиницей открывали дверь, и Пушкин чувствовал, как его душа тянется к этим фиолетовым небесам, где время и пространство сворачиваются, как лист бумаги, и он мог бы написать поэму, где герои не умирают от пуль на дуэли, а улетают в летающие города, оставляя позади тиранов и долги.

Но сон был прерван – стук в дверь, тихий, но настойчивый, три раза, как сигнал в коде, знакомом только посвящённым. Пушкин вздрогнул, сел в постели, сердце забилося чаще, эхом отдаваясь в ушах, словно барабан в тишине ночи.

«Кто там в такой час?» – спросил он, голос хриплый от сна, зажигая свечу, чей фитиль вспыхнул с шипением, осветив комнату мягким, дрожащим светом, где тени от мебели плясали на стенах, как призраки.

Дверь отворилась медленно, с лёгким скрипом петель, и в проёме появились трое мужчин в тёмных плащах, лица скрыты капюшонами, вышитыми серебряными нитями в форме звёзд и рун, что блеснули в свете свечи.

Один, высокий с седой бородой, видневшейся из-под капюшона, шагнул вперёд, его глаза блеснули, как у волка в полнолуние: «Александр Сергеевич, мы из «Светоча Востока».

Фукс послал нас. Время пришло – вы ищете мегалиты, мы покажем путь к истине.» Пушкин замер, чувствуя холодок, пробежавший по спине, как дуновение ветра из открытого портала: «Масоны? Как вы вошли? Дверь была заперта.» Высокий ответил, голос низкий, уверенный, как у того, кто привык к секретам: «Двери открыты для искателей. Орден знает пути, где замки не нужны. Одевайтесь – едем к Зилантовой горе. Там – ответы на ваши вопросы, и на вопросы царя, что вы несёте в сердце.» Пушкин, ведомый любопытством, страхом и миссией царя, оделся быстро – надел сюртук, застегнул сапоги, набросил плащ, чувствуя, как ткань шуршит в тишине. «Что за орден? Фукс упоминал ложу, но не это,» – спросил он, выходя в коридор, где воздух был прохладным, пропитанным запахом пыли и старого дерева. «Братья, хранители тайн болгар, «Светоч Востока» – свет знаний в темноте,» – ответил седобородый, его плащ шелестел при движении. В коридоре ждали ещё двое, с фонарями в руках, чьи пламя трепетали, отбрасывая длинные тени. Они спустились по лестнице, ступени скрипели под ногами, как шепот прошлого, вышли через чёрный ход в задний двор, где ждал закрытый экипаж с четвёркой лошадей, чьи гривы блестели в лунном свете, а воздух был свежим, с привкусом ночной росы. «К подножию Зилантовой горы,» – сказал седобородый кучеру, и экипаж тронулся, колёса стучали по брусчатке, Казань спала – улицы пусты, только луна освещала путь, отбрасывая длинные тени от домов и башен.

Поездка длилась около часа – через кремль, мимо собора, где днём Пушкин был с протоиереем Матфеем, через мост над Казанкой, где вода блестела как серебро, к востоку, где возвышалась Зилантова гора, её силуэт чёрный против ночного неба, словно страж забытых эпох.

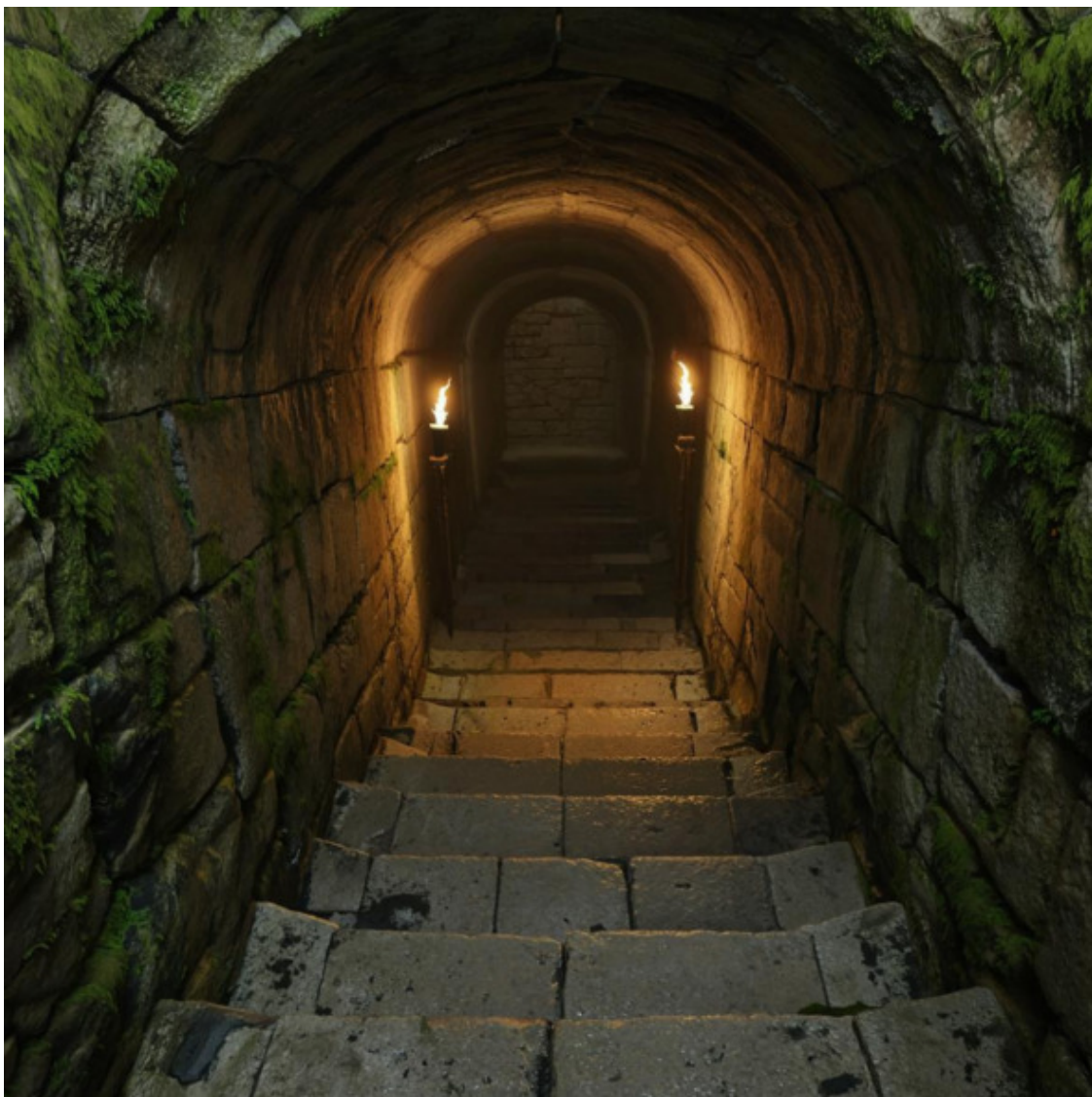
Пушкин смотрел в окно экипажа, сердце колотилось, мысли вихрем: «Что, если это ловушка? Царь предупреждал о ложах, но Фукс – нашёл.» Седобородый, назвавшийся братом Иваном, ответил на его молчаливый вопрос: «Зилантова гора – древняя пирамида, засыпанная после великой войны богов и потопа. Тысячелетия назад боги сражались – небо горело огнём, земля тряслась от ударов молний, потоп, посланный в гневе, засыпал глиной и землёй всю структуру, стерев следы великой цивилизации. Монастырь построили после завоевания Казани в 1552 году Иваном Грозным, чтобы охранять это место от обычных людей, от любопытных глаз и жадных рук. Это не гора – пирамида богов булгар, предков татар, хранящая внутри тайны, древние мегалиты с рунами для путешествий по разным мирам, где время течёт иначе, а души могут шагать через звёзды.» Пушкин ахнул, чувствуя, как воздух в экипаже тяжелеет от слов: «Пирамида? Как в Египте, только здесь, в Поволжье?»

Брат Иван улыбнулся в темноте, его борода блеснула: «Да, но старше, древнее. Булгары, предки татар, использовали её в VII веке, используя знания от атлантов, потерянных в волнах, а построили ее более 15 000 лет до нашей эры, никто не знает когда точно. Потоп – катаклизм,

засыпавший мир, стёрший города и храмы, оставивший только эхо в легендах. Монастырь – маскировка, страж от профанов. Настоятельница – одна из нас, в ордене, хранительница ключей.» Другие братья, молчащие, кивали, их плащи шелестели при движении, а фонари в руках отбрасывали танцующие тени на сиденья. Экипаж остановился у подножия – тёмный лес окружал гору, тропа вверх вилась как змея, воздух был густым, пропитанным запахом глины и мокрой земли, с ноткой ладана от монастыря наверху.

Они вышли, фонари осветили путь, их пламя трепетало в ночном воздухе, отбрасывая золотистые блики на листву и корни деревьев. «Идём,» – сказал брат Иван, его голос эхом отозвался в тишине. Пушкин следовал, чувствуя вибрацию под ногами, как в гостинице, но сильнее, словно земля сама дышала. «Гул – от мегалитов или снова разыгралось мое воображение,» – подумал он, ступая по тропе, усыпанной камнями, где каждый шаг отзывался эхом в душе. Тропа вилась через кусты и деревья, где шептали легенды о Зиланте – драконе, охраняющем гору, его чешуя – руны на камнях, его дыхание – вибрация под ногами. «Это пирамида,» – повторил брат Иван, его голос низкий, как подземный гул. «Засыпана глиной после войны богов – небо расколосось от ударов молний, земля тряслась от шагов титанов, потоп, посланный в гневе высших сил, засыпал всё слоем глины и земли, стерев их творения. Успенский Зилантов Монастырь, построенный в 1552 году Иваном Грозным после взятия Казани, – страж, чтобы обычные люди не приближались, не касались того, что не для них. Настоятельница – одна из нас, в ордене, женщина, чья мудрость старше камня.» Пушкин: «Настоятельница? В мужском монастыре?» Брат Иван: «Монастырь женский, а она – хранительница, тайная фигура, орден не знает полов – братья и сестры, все равны перед рунами.» Они достигли скрытого входа – пещера за кустами, замаскированная корнями и мхом, дверь – камень, сдвигаемый рычагом. «Внутри – пирамида,» – сказал брат Иван. Они вошли, фонари осветили коридоры – стены с рунами, вибрирующие, воздух густой, как в гробнице, с запахом глины и ладана.

Коридоры вились вниз, ступени из потрескавшегося камня вели в глубину, где воздух становился теплее, словно земля дышала.

Пушкин чувствовал, как вибрация усиливается, отзываясь в костях, как зов предков. «Это сердце пирамиды,» – сказал брат Иван. «Булгары использовали её, чтобы связывать миры – руны на мегалитах – символы, что открывают порталы в разные миры, каждая руна – это новый мир.»

Они спустились в камеру – огромный зал, где стояли мегалиты: камни выше роста человека, покрытые рунами, гудящие, светящиеся слабым сиянием. Там ждали братья – десять человек в плащах, лица открыты, глаза блестят знанием, и одна женщина – настоятельница монастыря, в тёмном одеянии, с крестом на груди и руническим амулетом на шее, её волосы седые, но глаза – как у юной, полные огня.

«Добро пожаловать, Пушкин,» – сказала она, голос эхом отразился от камней. «Я – сестра Мария, настоятельница Зилантова монастыря. Монастырь – страж пирамиды. После войны богов, потопа, что засыпал глиной весь мир, мы охраняем.

«Пушкин: «Война богов?»»

Сестра Мария: «Да, тысячелетия назад. Боги сражались – небо горело, земля тряслась, потоп засыпал пирамиды глиной. Эта – древняя, с мегалитами для путешествий в иные миры. Руны – ключ, кровь – активация.»

Брат Иван: «Мы – «Светоч Востока», хранители.

Фукс рассказал? Царь хочет, но это не для тирании.» Пушкин осмотрел мегалиты – камни, вибрирующие, руны светились. «Как это работает?» – спросил он.

Сестра Мария: «Руны – коды. Древняя кровь и слова силы скажи – портал откроется. Миры – фиолетовые небеса, летающие города, существа мудрые. Пугачёв искал, но не нашёл – мы спрятали.

«Братья показали: руны на стенах, артефакты – амулеты, книги с символами. «Это пирамида – центр схождения лей линий,» – сказал брат. «Потоп засыпал, монастырь – маска.» Пушкин тронул камень – вибрация прошла через тело, видение: фиолетовое небо, города в воздухе. «Боже...» – прошептал он.

Сестра Мария: «Вы – поэт, увидите. Но тайну храните – царь уничтожит.» Они беседовали часами: о войне богов – мифах атлантов, гипербореев, древних цивилизациях богов; потопе – глобальном катаклизме, засыпавшем цивилизации; пирамиде – древних, с мегалитами для порталов; рунах – символах, активирующих путешествия в миры, где время течёт иначе.

«Братья – хранители,» – сказал Иван. «Настоятельница – ключ, монастырь – страж от обычных людей.»

Пушкин: «Зачем меня привели?»

Сестра: «Вы – искатель. Фукс увидел в вас свет. Не предайте – орден поможет.»

Видения нахлынули: фиолетовые небеса, летающие города, существа зовут. «Это реальность,» – подумал Пушкин. Они вернули его в гостиницу на рассвете.

«Тайна – ваша,» – сказал Иван.

Пушкин лёг, мысли бурлили: «Зилантова – пирамида. Мегалиты – порталы. Царь не узнает.» Он уснул, сон – эхо видений.

Глава 3: Встречи и Откровения

7 сентября 1833 года. Утро в Казани выдалось свежим, с лёгким туманом над Волгой, который медленно рассеивался под первыми лучами солнца, окрашивая реку в золотистые тона и создавая иллюзию, будто вода сама светится изнутри, как портал в иной мир.

Александр Сергеевич Пушкин проснулся в номере Гостиницы Дворянского собрания с тяжёлой головой, полной обрывков видений и воспоминаний о ночном приключении на Зилантовой горе. Сон о фиолетовых небесах и летающих городах ещё витал в сознании, словно эхо из той пирамиды, где руны шептали секреты древних. «Что это было? Ночь, полная открытий, или сон, навеянный рассказами Фукса и Бабина?» – подумал он, вставая с постели и потирая виски, где пульсировала лёгкая боль от бессонницы. Ревматизм, этот верный спутник его путешествий, дал о себе знать ноющей болью в коленях, но поэт привык к таким мелким неудобствам – они лишь напоминали о бренности тела, в то время как душа стремилась к вечному, к тем звёздным вратам, о которых шептали масоны. Он подошёл к окну, откинул тяжёлую штору, и утренний свет осветил комнату: стол с зелёной тетрадью, перо, чернильница и запечатанное письмо Наталье, написанное накануне.

«Милая Наташа, – подумал он, беря письмо в руки и чувствуя лёгкий аромат чернил. – Ты в Петербурге, с детьми, а я здесь, в этом вихре легенд и тайн. Мария, наверное, рисует цветы в саду, Александр лепечет первые слова, пытаюсь повторить мои стихи. Эта поездка – для них, для дохода от книг, но миссия царя тянет в бездну.»

Пушкин умылся холодной водой из кувшина, стоявшего на умывальнике, чувствуя, как бодрость возвращается, смывая остатки сна. Он надел свежий сюртук, поправил кудрявые волосы перед зеркалом, где отражение показывало ему уставшее, но решительное лицо с пронзительными глазами, полными блеска от ночных откровений, и спустился в холл. Управляющий, седой мужчина с татарским акцентом, уже ждал с завтраком: свежий хлеб, чай с мёдом и сыр. «Доброе утро, господин Пушкин.

Тройка готова – к университету?» – спросил он, наливая чай в фарфоровую чашку, от которой шёл пар с ароматом трав.

Поэт кивнул: «Да, Ильяс знает путь. Управляющий улыбнулся загадочно, его глаза блеснули: «Будьте осторожны, сударь – шепчут о древних камнях, что зовут только избранных, носителей крови богов.» Пушкин отхлебнул чай, чувствуя его тепло в горле: «Избранных? Что вы имеете в виду?» Управляющий пожал плечами, подавая хлеб: «Те, кто чувствует вибрацию. Не все слышат гул – только с древней кровью, генами тех, кто жил до нас, богов, что ушли в звёзды.

Завтрак приятный, барин, ешьте.

Поэт замер, слова управляющего эхом отозвались в его душе: «Древняя кровь... Я чувствую вибрацию, как никто. Может, гены от предков – африканских, от Ганнибала, или что-то древнее, от богов, как сказал Абдулла во сне? Нет, это был не сон – Зилантова гора, пирамида, масоны.

Он съел хлеб, размышляя: «Носитель – это объясняет, почему гул зовёт меня. Другие не ощущают. Если портал открывает только носитель, то царь зря ищет – он не услышит зов.

Пушкин допил чай, поблагодарил управляющего и вышел на улицу, где его уже ждала тройка: Ильяс, кучер, улыбнулся, поправляя упряжь: «К университету, барин? Дорога хорошая, но туман ещё висит.» Экипаж тронулся, Казань потекла мимо: улицы, заполненные

людьми – торговцы кричали о товарах, женщины в платках несли корзины, дети бегали, играя в пыли, а воздух был пропитан ароматом свежей выпечки и речной влаги.

Казанский университет, основанный в 1804 году по указу Александра I, возвышался как бастион знаний – здание с колоннами, где шумели студенты в форменных мундирах, обсуждая лекции по философии, математике и естественным наукам, их голоса эхом отражались от стен.

Фукс – член «Светоча Востока», но кто ещё? Если «Чёрный Орден» там, то встреча неизбежна. Они хотят уничтожить артефакты как «бесовщину», а царь – использовать для власти. Я – между ними, как маяк между скалами и морем.»

Экипаж подъехал к Казанскому университету – величественному зданию в стиле классицизма, с колоннами и портиком, окружённому садом, где студенты в мундирах прогуливались по аллеям, обсуждая лекции, их голоса сливались в гул, как пчёлы в улье. Пушкин вышел, расплатившись с Ильясом, и направился к главному входу, где стражник в униформе кивнул ему, пропуская. Пушкин вошёл, показав разрешение царя, подписанное самим Николаем I.

В холле университета, просторном с мраморным полом и портретами учёных на стенах, его встретил профессор Карл Фукс, высокий мужчина с седеющими волосами и пронизательным взглядом, одетый в строгий фрак. «Александр Сергеевич! „Рад видеть вас снова“, – сказал Фукс, пожимая руку поэту тёплым, но крепким хватом. – Архивы готовы. Но сначала – чаю в моём кабинете. Есть новости от „Светоча“ – ритуал на Зилантовой горе прошёл успешно, но „Чёрный Орден“ активизировался. Они знают о вашем интересе к мегалитам.» Пушкин нахмурился, следуя за Фуксом по коридору, где эхо шагов отражалось от высоких сводов, а запах пыли и старых книг витал в воздухе.

«Что они планируют? – спросил поэт тихо, оглядываясь на студентов, проходящих мимо с книгами под мышкой. – Если ударят сегодня, то в архивах? Там, где руны и карты курганов?» Фукс кивнул, открывая дверь кабинета – уютной комнаты с полками книг по этнографии, картами Поволжья и артефактами на столе: амулетами, рунными камнями и пожелтевшими манускриптами. «Возможно. Но мы готовы. Садитесь, чай с чак-чаком – Ольга Ивановна прислала. Расскажите о вчерашнем – видения портала?»

Они сели за стол, Фукс налил чай из самовара, парящего ароматом мяты и мёда, и подал чак-чак – сладкий десерт из теста в мёде, хрустящий и липкий. Пушкин откусил кусок, чувствуя, как сладость разливается во рту, и начал рассказ: «На Зилантовой горе, в пирамиде, засыпанной потопом после войны богов, шаман Абдулла провёл ритуал. Травы горели, барабаны били, и я увидел – фиолетовые небеса, летающие города, существа с сияющими глазами. Они шептали: „Кровь богов в тебе, Пушкин. Ты откроешь врата.“ Но цена – моя судьба. Что это значит, Карл Федорович?» Фукс нахмурился, помешивая чай ложечкой с гравировкой масонского символа – циркуля и наугольника. «Древние боги булгар – не мифы, а существа из иных миров, что пришли через порталы, строили пирамиды для энергии, мегалиты для телепортации. Потоп – кара за войну с ними, когда цивилизации пали, знания утеряны. Ваша кровь – эхо того, избранные несут ген, вибрацию, что активизирует камни. Вы – ключ, но активация притянет „Чёрный Орден“. Они видят в этом угрозу порядку, хотят уничтожить.» Разговор длился полчаса: Пушкин спрашивал о рунах, Фукс показывал книгу с символами – круги, линии, напоминающие маяки. «Этот символ – маяк, – сказал Фукс, указывая на руну в форме башни с лучами. – Он зовёт через пространство, как ваш талант зовёт души. Активируйте – и миры соединятся.» Пушкин задумался: «Символично. Моя жизнь – маяк: свет для других, тьма для себя. Но если активировать, то шагну за горизонт, как в моих стихах.»

После чая они направились в архивы университета – подземный лабиринт коридоров с каменными стенами, освещённый факелами, где воздух был тяжёлым от пыли веков, а полки ломились от томов: летописи Пугачёвского бунта, карты курганов, манускрипты с рунами. Архивариус, старый архивариус Иван Петрович Скрипцев, худощавый мужчина в очках с седеющими волосами и строгим взглядом, встретил его в библиотеке: «Господин Пушкин, ради

вас открыли архив. Вот протоколы суда 1774 года – дела Пугачёвского бунта, допросы участников, списки казнённых.»

Поэт уселся за стол в комнате с высокими полками, заполненными пыльными томами, запахом старой бумаги, чернил и воска от свечей. Он перелистывал страницы: пожелтевшая бумага, потрёпанные края, записи каллиграфическим почерком, испещрённые пятнами времени. «Яков Самарин, помещик, участвовал в сопровождении пленных,» – читал он вслух, записывая в свою тетрадь. «Упомянуты „древние врата“ в допросах – возможно, мегалиты, о которых шептал Фукс и Абдулла.» Скрипцев, сидевший напротив и наблюдавший за поэтом, кивнул: «Да, сударь. Пугачёв искал не только власть – легенды о камнях булгар, что открывают двери. Но это мифы, сказки старожил.»

Пушкин: «Мифы? А если правда? Я слышал о «Светоче Востока.»» Скрипцев улыбнулся: «Ложа? «Она не существует», – рассмеялся он, – «после 1825 года масоны запрещены.»

Поэт записывал лихорадочно: даты штурма 12 июля 1774 года, имена обвиняемых, описания казней – вешание, четвертование, сажание на кол. «Это для „Истории“,» – подумал он. «Но „древние врата“ – ключ к миссии. Булгары, VII век, их руны – коды для порталов. Если открывает только носитель генов богов, то я – ключ, ведь чувствую вибрацию.»

Скрипцев добавил: «Есть упоминания о шамане Абдулле – предке нынешнего. Он шептал Пугачёву о «камнях звёзд».» Пушкин: «Где его найти?» Скрипцев: «В Старо-Татарской слободе, хижина у реки. Но будьте осторожны – он видит через время, и не все возвращаются от него теми же.» Работа длилась два часа, Пушкин заполнил страницы: «Имена – Самарин, Кудрявцев. Зверства – тела на реке. Но тайна – во «вратах».

Но глубже – тайные полки, для «Светоча».» Фукс отвёл поэта в скрытый отсек, за фальшивой полкой, где лежали артефакты: камни с рунами, медные пластины с изображениями порталов. «Здесь – ключ к мегалитам под кремлем и гостиницей, – шептал Фукс. – Пугачёв искал их для телепортации армий, шаманы булгар использовали для видений иных планет.» Пушкин взял камень, чувствуя вибрацию в ладони, как гул в подвалах. «Это зовёт, – сказал он. – Как маяк в бурю. Если активировать...» Но вдруг шаги эхом отозвались в коридоре – тени приближались.

Тени в подземных архивах университета удлинились, когда группа мужчин в чёрных плащах с капюшонами, скрывающими лица, ворвалась в отсек, их шаги гремели по каменному полу, как гром перед бурей, а глаза горели фанатичным блеском под масками.

Это были члены «Чёрного Ордена» – тайного общества, противостоящего масонам «Светоча Востока», видящего в древних артефактах «бесовщину» и угрозу империи. Один из них,

высокий мужчина с шрамом на щеке, обнажил кинжал, сверкающий в свете факелов: «Пушкин! Ты ищешь то, что должно быть уничтожено. Мегалиты – проклятие, порталы – дверь для демонов. Ты умрешь здесь, в темноте!»

Фукс отступил, хватая книгу с рунами: «Вы не пройдёте! „Светоч“ защитит знания предков!» Пушкин, чувствуя прилив адреналина, несмотря на ревматизм, что сковывал движения, схватил подсвечник со стола, используя его как оружие: «Кто вы? Агенты царя или фанатики? Я – поэт, а не шпион, но если вы угрожаете истине, то сражусь за неё!»

Драка вспыхнула мгновенно – хаос в тесном подземелье, где эхо ударов отражалось от стен, а пыль взвивалась облаками, застилая глаза. Член «Ордена» бросился на Пушкина, замахнувшись кинжалом, лезвие сверкнуло в свете факела, но поэт увернулся, ударив подсвечником по руке нападающего, услышав хруст кости и крик боли: «Ах, проклятье!» Фукс тем временем отбивался от двух других, используя книгу как щит, страницы разлетелись, как листья в ветре: «Вы не уничтожите наследие болгар! Руны – для просвещения, не для тьмы!» Один из нападающих, коренастый мужчина с бородой, схватил Фукса за ворот: «Ты, масонский пёс! Твоя ложа падёт!» Но профессор ударил его коленом в живот, нападающий согнулся, хрипя: «Уф... Вы не победите!» Пушкин, кружась в тесноте, где запах плесени и пыли смешивался с потом и кровью, парировал удар другого – худого юноши с безумным взглядом: «За Орден!

Демоны не пройдут!» Поэт контратаковал, подсвечник врезался в плечо юноши, тот упал, воя: «Мои боги, боль!»

Битва длилась минуты, но казалась вечностью: Пушкин чувствовал, как ревматизм замедляет движения, боль в коленях вспыхивала при каждом шаге, но адреналин гнал вперёд, как в дуэлях его юности. «Это не просто драка, – думал он, уворачиваясь от кинжала лидера, что рассёк воздух у его уха. – Это столкновение миров: свет знаний против тьмы невежества, как в моих стихах о свободе и тирании.» Фукс, ловко маневрируя между полками, где книги валялись на пол с глухим стуком, схватил артефакт – рунный камень – и активировал его лёгким касанием: вибрация прошла по воздуху, как гул из подвалов, и нападающие замерли на миг, ослеплённые вспышкой света. «Руны на нашей стороне! – крикнул Фукс. – Бегите, пока не поздно!»

Член «Ордена» зарычал, отступая: «Это не конец, Пушкин! Твоя кровь богов притянет погибель. Мы найдём тебя!» Они отступили, таща раненых, их шаги затихли в коридоре, оставив после себя разбитые полки, разбросанные бумаги и запах крови.

Пушкин, тяжело дыша, опёрся о стену, чувствуя, как сердце колотится, а колени ноют: «Кто они, Карл Федорович? Как узнали?» Фукс, утирая кровь с рассечённой брови, ответил: «Шпионы в университете. „Чёрный Орден“ – ветвь старых инквизиторов, смешанная с царскими жандармами. Они боятся порталов – видят в них угрозу трону. Но вы выстояли, Александр Сергеевич. Это знак – ваша кровь сильна.» Они собрали артефакты, Фукс спрятал камень в карман: «Идёмте.» Пушкин кивнул, выходя из подземелий, где воздух стал легче, а свет дня пробивался через окна: «Это начало войны. Но я не отступлю – за правду, за вдохновение.»

После драки в архивах Пушкин и Фукс вышли на свежий воздух университетского сада, где аллеи были усыпаны опавшими листьями, шуршащими под ногами, а студенты сидели на скамейках с книгами, их голоса сливались в тихий гул дискуссий о философии и науке. Солнце уже высоко стояло, разгоняя туман, и воздух был наполнен ароматом осенних цветов – астр и хризантем, что цвели в клумбах.

Пушкин поблагодарил Фукса, тройка его уже ждала. Теперь путь лежал в Старо-Татарскую слободу.

Старо-Татарская слобода – это узкие улочки, деревянные дома с резными наличниками, запах трав и дыма от очагов, женщины в платках, мужчины в тюбетейках, дети, играющие в пыли.

Ильяс, коренастый татарин с широкой спиной и лицом, изборождённым шрамами от былых стычек с разбойниками в степях Поволжья, резко осадил лошадей. Тройка, запряжённая тремя резвыми конями – серым, гнедым и вороным, – остановилась с лёгким ржанием, поднимая клубы пыли с узкой тропинки, что вилась через окраину Старо-Татарской слободы. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в оттенки алого и оранжевого, словно кровавые всполохи пожаров, что когда-то бушевали здесь во времена Пугачёвского бунта. Воздух был тяжёлым, пропитанным ароматом речной тины от близкой Волги, смешанным с запахом дыма от костров в соседних хижинах и лёгкой горечью полыни, что росла повсюду в этой части Казани. Хижина Абдуллы стояла на отшибе, у самого края слободы, где земля переходила в поросшие кустарником холмы, ведущие к Зилантовой горе – той самой, что в легендах татар именовалась горой дракона, древней стражем города. Стены хижины были сложены из потемневшего от времени дерева, крыша покрыта соломой, местами прогнившей и поросшей мхом, а вокруг росли дикie травы: шалфей, полынь и чебрец, распространяя терпкий, почти одурманивающий аромат, который смешивался с лёгким дымом, сочившимся из щелей в двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.